

DOI: 10.31857/S241377150009971-1

Интерпретация XX–XXI вв. в зарубежных “Историях русской литературы”

© 2020 г. М. П. Одесский

Доктор филологических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
modessky@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 22 апреля 2020 г.

Дата публикации: 30 июня 2020 г.

Резюме. Объект исследования в статье — “Истории русской литературы”, которые включают все периоды ее развития: от начального этапа до современности. В России создание историй отечественной литературы свидетельствовало о высоком уровне культурного развития, о накоплении классического художественного материала и формировании адекватных историографических моделей. Однако в статье анализируются иностранные истории русской литературы, которые в течение последних пятидесяти лет были изданы или переизданы на немецком, французском, итальянском, английском языках. Эти “Истории” различаются по методологии, степени пространности и концептуальности, но в любом случае они тщательно подготовлены. Их анализ демонстрирует, что прогнозы западных ученых о кризисе “Истории национальной литературы” (отказ от категории “национальной истории”, “изменение медийного ландшафта”) не оправдались. Однако отечественные “Истории русской литературы” должны учитывать опыт иностранных аналогов: предложенные в них уточнения в оценках конкретных писателей, способы осмысления русской литературы XX–XXI вв. (прежде всего двух последних десятилетий). Особенно важен диалог отечественных и западных “Историй” в теоретических вопросах: постановке проблем композиции, периодизации и канона.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-112-50179, ИМЛИ РАН.

Ключевые слова: история русской литературы, национальная история, иностранные истории русской литературы, периодизация русской литературы, канон.

Для цитирования: Одесский М.П. Интерпретация XX–XXI вв. в зарубежных “Историях русской литературы” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 63–86. DOI: 10.31857/S241377150009971-1.

Interpretation of the 20th–21st Centuries in Foreign “Histories of Russian Literature”

© 2020 Mikhail P. Odesskiy

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Russian State University for the Humanities (RGGU),
Miusskaya Sq. 6, Moscow, 125993, Russia
modessky@mail.ru

Received by Editor on April 22, 2020

Date of publication June 30, 2020

Abstract. The object of research in the article is the genre of “a History of Russian literature”: such “Histories” include all periods of its development: from the beginnings to the current state. In Russia, the creation of “Histories” of native literature testified to a high level of cultural development, the accumulation of classical artistic material and the formation of adequate historiographic models. However, the article analyzes foreign histories of Russian literature that have been published or republished in German, French, Italian, and English over the past fifty years. These “Histories” differ in methodology, degree of spaciousness and conceptuality, but in any case they are carefully prepared. Their analysis shows that the forecasts of Western scholars about the crisis of the “History of national literature” (rejection of the category of “national history”, “change in the media landscape”) were not justified. Russian literature “Histories” written in Russia, however, should learn from the experience of foreign Russian literature “Histories”: this is a clarification of the assessments of specific writers, ways of understanding Russian literature of the 20th–21st centuries (especially the last two decades). Especially important is the dialogue between Russian and Western “Histories” in theoretical questions: that is, the statement of the problems of composition, periodization and canon.

Acknowledgment. The reported study was funded by RFBR, project no № 19-112-50179, the Institute of World Literature of the RAS.

Key words: Russian literature history, national history, foreign histories of Russian literature, periodization of Russian literature, literary canon.

For citation: Odesskiy, M.P. *Interpretatsiya XX–XXI vv. v zarubezhnykh “Istoriyakh russkoj literatury”* [Interpretation of the 20th–21st Centuries in Foreign “Histories of Russian Literature”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 63–86 (In Russ.). DOI: 10.31857/S241377150009971-1.

1.

Объект исследования в данной статье — научный жанр “истории национальной литературы”, который предполагает анализ всех периодов ее развития: от начала (и часто фольклора) до актуального состояния. Создание такого рода сочинений справедливо воспринимается как показатель высокого уровня культурного развития, когда правомерно констатировать накопление классического художественного материала и адекватных историографических моделей.

В случае русской литературы первенство здесь, видимо, принадлежит А. Галахову, чья “История русской словесности, древней и новой” [1] вышла в 1863–1875 гг. Эта книга представляла еще “доакадемическую” науку в том смысле, что была написана литературным критиком и педагогом, но стала, по справедливой характеристике В. Боковой, “первой попыткой дать целостное изложение *всей* истории отечественной литературы” [2, с. 11].

До Галахова “Истории русской литературы” издавались, но понимание хронологических рамок в них было принципиально другим. При Николае I могущественный министр С. Уваров вычеканил пропагандистскую формулу “православие, самодержавие, народность”,

и, согласно университетскому уставу 1835 г., студенты всех факультетов были обязаны слушать курсы русской истории и литературы; С. Шевырев — также скорее литературный критик — первым прочитал университетский курс истории русской литературы и в 1846 г. его опубликовал (хронологически первой “Историей древней литературы” принято считать книгу М. Максимовича 1839 г. [3]; ранее Максимович изучал “Слово о полку Игореве” и, прося министра Уварова о переводе в «предложенный к открытию Киевский университет на кафедру русской литературы, обещал заняться этим предметом “профессорски”» [4, с. 287]). Как и следовало ожидать, курс Шевырева содержал пропагандистские идеологемы, но одновременно был основан на оригинальных рукописных источниках и выполнен профессионально. Например, Шевырев утверждал, “что все внимание жизни, все стремления, силы народа сосредоточивались в вере и церкви, которые подчиняли себе всякое духовное развитие русского человека. Это главный характер древнего периода [...]” [5, с. 220]; (см. подробнее: [6, с. 111–125]). Такая дефиниция совершенно соответствует “постперестроечным” курсам, однако современный медиевист выразился бы менее идеологизированно, сказав, что в древнерусской

литературе доминируют религиозные ценности, а в новой — светские.

Когда Галахов только приступал к своей программе “целостного” изложения, включив в двухтомную “Русскую хрестоматию” (первое изд. 1843 г., неоднократно переиздавалась, см., напр.: [7]) “образцы прозы и поэзии, написанные литературным языком *нового* времени, то есть обнимающим эпохи Карамзина и Пушкина, не исключая и только что выступившие таланты (Кольцов, Майков, Фет и другие), если их произведения выказывали изящество языка” [2, с. 285], Шевырев и его единомышленники восприняли это как поступок общественно сомнительный и ненаучный. Однако Галахов не поддался и позднейшей “Историей русской словесности, древней и новой” завершил проект, положив начало отечественной традиции подобных изданий.

Противостояние Галахова и Шевырева демонстрирует: “история русской литературы” с самого начала ставила теоретическую проблему “целостности”, которая заключается не столько в полноте охвата фактов (показательно, что теперь в науке учитывают не “Историю” Галахова, а ее обстоятельный критический разбор академиком Н. Тихонравовым в 1878 г.), сколько в определении рубежа, отделяющего легитимизированных писателей от спорной современности, что вдобавок закономерно вызывало общественно-политические дискуссии.

Итогом историй русской литературы императорского периода по праву выступает четырехтомное сочинение академика А. Пыпина [8], представителя культурно-исторической школы, автора замечательных работ по литературе Древней Руси и XVIII в. и в то же время либерального публициста (сотрудник “Современника”, кузен Н. Чернышевского). Материал по томам распределялся так: первый — “Древняя письменность”; второй — “Древняя письменность. Времена Московского царства. Канун преобразования”; третий — “Судьбы народной поэзии. Эпоха преобразований Петра Великого. Установление новой литературы. Ломоносов”; четвертый — “Времена Имп. Екатерины II. Деятельный век. Пушкин и Гоголь”; творчество писателей послегоголевского периода не привлекалось: завершающая глава “После Гоголя” была посвящена рецепции критиками В. Белинским, Д. Писаревым, А. Григорьевым и другими (в рамках до Пушкинского юбилея 1880 г.) наследия

А. Пушкина и Н. Гоголя, доказывавшими значение для отечественной культуры этого наследия и значение преимущественно социальное. То есть Пыпин, издавая свой труд в 1898–1899 гг., обозначил в качестве рубежа 1842 г. для литературы и 1880 г. — для критики. Двойственность позиции автора — знатока архивов и публициста — оценивалась позднейшими филологами в зависимости от их собственных приоритетов: в своей английской книге Д. Мирский осуждал Пыпина за то, что у него “вся история литературы рассматривается как борьба прогрессивных западных и реакционных национальных идей” [9, с. 569], зато авторы новейшей оксфордской истории подчеркивают новаторство Пыпина как предшественника В. Переверзева и теперешних социологических методик [10, с. 3–4].

В советский период “История” Пыпина особого уважения не вызывала, так как вообще решительно возобладал интерес к наисовременнейшей литературе, и все, ей предшествующее, воспринималось как подозрительное. Однако, как известно, с середины XX в. ориентиры изменились: “История русской литературы”, опубликованная в 1941–1956 гг. [11], включала тринадцать книг, последняя охватывала период — “1890–1917”. Наконец, на последнее десятилетие советской власти пришлось четырехтомная ленинградская “История русской литературы” 1980–1983 гг. [12]; четвертый том — “Литература конца XIX — начала XX века (1881–1917)”.

Как видно, в обоих масштабных советских проектах история литературы заканчивается одним и тем же периодом: 1881/1890–1917, который в последнем случае занимает примерно четверть общего текста. Хронологическая граница “истории” — переломный 1917 год. Выбор этот диктовался как идеологической конъюнктурой, так, вероятно, и свойственным отечественной традиции представлением о необходимости методологически дистанцироваться от материала, квалифицируемого как “история”.

Однако в данной статье изучается не отечественная традиция, а те истории русской литературы, которые писались на иностранных языках и были адресованы западному читателю, что технически и содержательно воздействовало на их специфику.

Первые зарубежные издания, которые относятся к историям русской литературы, похоже, были созданы в 1880-е (“Русский роман”

1886 г. французского аристократа Э.М. де Во-гюэ, “Революция и роман в России” 1887 г. испанской аристократки Э. Пардо Басан): ни в коем случае не сопоставимые по объему информации с трудами Галахова или Пыпина, эти книги скорее просто знакомили читателя с неведомой территорией, да к тому же решали публицистические задачи, обусловленные ситуацией в их собственных культурах (см., напр.: [13]; [14]).

Наиболее академически оснащенной — несколько позже (1905) — выступает “История русской литературы” Александра Брюкнера: поляк, окончивший Львовский университет, он написал свою книгу, будучи профессором славянских языков и литератур Берлинского университета. Из 500 страниц Брюкнера новая литература возникает лишь на последних 50-ти, но эта новая литература ближе к современности, чем в случае Пыпина. При обзоре русской драмы мелькают (один абзац) А. Чехов и М. Горький; при обзоре лирики на шести страницах характеризуется творчество К. Случевского, К. Фофанова, Н. Минского, К.Р., Владимира Соловьева, Д. Мережковского, названы Брюсов и первые поэты-символисты — все они выражали пессимистическое мировоззрение [15, с. 467, 481–486]. Зато финальная 19-я глава “Новеллисты” [15, с. 487–505] полностью досталась писателям, которых потом будут помещать “между” реализмом и символизмом и в “серебряном веке”: малая форма (новелла, очерк) определяется как знамение времени (В. Гаршин, В. Короленко, А. Чехов, М. Горький, Л. Андреев); заключая главу (и монографию), автор декларирует, что, несмотря на реакционеров Ф. Булгарина, М. Каткова, В. Грингмута, Д. Рунича, Д. Толстого, А. Будиловича (именно в таком порядке), русское общество эволюционирует в прогрессивном направлении, а литература способствует пробуждению его самосознания [15, с. 505].

Революционные события в России, популярность на Западе Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Горького предсказуемо вызывают рост интереса к истории русской литературы, но пока без заметного улучшения ее аналитики. Для упрощения навигации здесь удобно обратиться к рецензиям 1920-х годов Д. Мирского, который преподавал в Школе славистики Лондонского университета и который вскоре опубликует свою версию “Истории”.

Так, в 1925 г. по-английски рецензируя книгу немецкого ученого и переводчика Артура Лютера (родился в Орле, учился в Москве), Мирский в своей бегло-афористической манере обозрел “истории русской литературы, написанные на западноевропейских языках”, добавив, “что нет ни одной удовлетворительной истории русской литературы на русском языке” [16, с. 108]. Рецензент имел в виду сочинения М. Беринга [17] и П. Кропоткина [18] (английский язык), К. Валишевского [19] (французский) и А. Брюкнера. По мнению рецензента, книга симпатичного ему эрудита-дилетанта Беринга (см. ее сопоставление с “Историей” самого Мирского: [20]) — “бесконечно талантливая, но мало научная”; “Идеалы и действительность в русской литературе” Кропоткина выявляют “безразличие и относительное невежество по части своего предмета”; книга Валишевского есть “одно из наименее удачных последствий смешения французской элегантности с польским легкомыслием”; “История” Брюкнера — “основательнее прочих”, но “страдает и от глубоко укорененного отвращения автора к России (он поляк), и от полного отсутствия литературного вкуса” [16, с. 108]. Что касается рецензируемого Лютера [21], он — “компилятор”, впрочем, книгу “можно рекомендовать читателям” [16, с. 108].

Позднее (в английской же рецензии 1928 г.) Д. Мирский отозвался на “Историю русской литературы” Э. Ло Гатто; отзыв — при имеющихся замечаниях (не всегда удовлетворительное использование русской научной литературы, языковые ошибки) — позитивный: “[...] первая работа подобного масштаба на любом из западноевропейских языков” [16, с. 194]. Надо сказать, что похвала строгого рецензента отнюдь не политесный комплимент: книга основоположника русистики в Италии — только первый том (до XVI в.) семитомной “Истории”; Ло Гатто с 1928 г. будет продолжать ее по 1944 г. и в седьмом томе доведет изложение до эпохи реформ и И. Тургенева (см. переиздание: [22]; см. также авторский сокращенный вариант: [23]). Сейчас “История” Ло Гатто характеризуется как устаревшая [24, с. 138], но для своего времени это труд — грандиозный и беспрецедентный.

В 1926–1927 гг. историю русской литературы, опираясь на читаемые в Школе славистики лекции и используя материал многочисленных статей и рецензий, опубликовал суровый судья чужих “историй” Д. Мирский,

опубликовал по-английски и для англоязычной аудитории (см. первое издание: вначале — о литературе 1881–1925 гг. [25], потом — от древности до смерти Ф. Достоевского [26]; обе части были объединены в книгу “История русской литературы с древнейших времен по 1925 год”; в 1992 г. ее образцово перевела на русский Р. Зернова [27], эмигрировавшая из СССР вместе с мужем И. Серманом; перевод неоднократно публиковался в постсоветской России, см., напр.: [9]).

Мирский обрушил на англоязычную аудиторию впечатляющий подбор фактов, сдобренных неординарными дефинициями, и открыто декларировал свое право на субъективность: «Мои суждения могут быть личными и субъективными, но эта субъективность вызвана не партийно-политическими, а литературными и “эстетическими” пристрастиями. Однако и тут у меня есть смягчающее обстоятельство: я полагаю, что мой вкус до некоторой степени отражает вкусы моего литературного поколения и что компетентному русскому читателю мои оценки не покажутся парадоксальными» [9, с. 329].

Тем не менее, его “Историю русской литературы” справедливо оценивать не только как архаическое свидетельство о состоянии науки 1920-х годов: по словам В. Набокова, “это лучшая история русской литературы на любом языке, включая русский” [28, с. 91]. С этим согласен ведущий китайский русист Лю Вэньфей: “Мирский один из первых историков русской литературы, кто написал историю литературы русского зарубежья и Серебряного века [...]” [29, с. 264].

“История” Мирского (несмотря на недочеты, нарочитую субъективность) и спустя столетие остается актуальным пособием для изучающих русскую литературу во всем мире и самой России, а также своего рода мерилom праведным. Во-первых, Мирский объявил неверным цивилизационное мнение западных историков о том, что “русская литература отличается от всех других литератур мира своей тесной связью с политикой и историей общества” [9, с. 329], и применил при рассмотрении исторических вопросов эстетические критерии, в чем-то напоминающие советский формальный метод. Во-вторых, в “Истории” Мирского часть, посвященная современности, композиционно занимает объем (250 страниц), немногим меньший, чем посвященный предыдущим столетиям (320 страниц), что даже с учетом

включения в эту часть позднего Л. Толстого, Н. Лескова, Н. Михайловского (первая глава о “Конце великой эпохи”) предполагает канон, радикально отличный от “Истории” Пыпина, Брюкнера, Ло Гатто. В-третьих, изложение литературного материала доведено до времени издания книги. Как отметил Лю Вэньфей, Мирский “написал историю исторического периода, в котором он находился и который еще продолжается” [29, с. 264]. Более того, распределение материала 1890–1925 гг. оказалось настолько удачным, что практически точно воспроизводится в позднейших “историях” (не говоря уж о забавных совпадениях: ср. броское определение “манихейский идеализм” Сологуба [9, с. 476] с манихейством Сологуба в “историях” В. Леттенбауэра [30, с. 229] и Р. Лорда [31, с. 145]): восьмидесятые годы и начало девяностых (включая В. Гаршина, В. Короленко, А. Чехова); художественная проза после Чехова (М. Горький, Л. Андреев, М. Арцыбашев); движение девяностых годов; символисты; постсимволистская поэзия (акмеисты, футуристы, новокрестьянская поэзия с Н. Клюевым и С. Есениным); постсимволистская проза (до П. Краснова, В. Шкловского, И. Эренбурга, “Серапионовых братьев”, Б. Пильняка, И. Бабеля); в финале — беглый, но информативный обзор драмы и литературной критики (плюс — по западному образцу — литературоведения).

Итак, зарубежные истории русской литературы представляют тот же научный жанр “истории национальной литературы”, что и отечественные “истории”, но существенно отличаются по нескольким дифференциальным признакам. Они более склонны к цивилизационным обобщениям. Их авторы — за редким исключением вроде Д. Мирского — в меньшей степени претендуют на полноту охвата литературных фактов, зато в большей степени нацелены на привлечение актуального литературного материала. Последнее обусловлено тем практическим обстоятельством, что фундаментальные отечественные истории русской литературы непосредственно не связаны с нуждами преподавания, напротив, зарубежные именно в рамках этих связей преимущественно и создаются. Кроме того, зарубежные “истории” нередко акцентировали литературные произведения, которые в России — до 1917 г. или после — попали под цензурные запреты; соответственно, с отменой запретов и вхождением новых текстов в сферу

академической компетентности отечественные “истории” должны “догонять” западные компендиумы.

Период XX — начала XXI в. — именно такой случай. Изучение его места в “целостных” зарубежных историях русской литературы насущно для отечественной науки постольку, поскольку позволяет не просто систематизировать информацию об “историях”, написанных примерно за последние полвека, но и вступить в культурный диалог с опытом осмысления новейшей литературы, в них накопленным. Не привлекаются в данной статье традиции, сформировавшиеся в странах бывшего социалистического лагеря, и Востока, что требует специальной профессиональной подготовки; разумеется, речь также не идет об исчерпывающем перечне “историй”, но хочется верить, что их выбор достаточно полон и репрезентативен.

2.

В качестве научной литературы, ориентирующей в вопросе, продуктивно использовать сборники, изданные по результатам двух представительных международных конференций: “Принципы написания истории литературы” (Геттинген, 1981) и “Национальные истории русской литературы” (Пекин, 2015). Первая показательна для начала выбранного в данной статье хронологического отрезка бытования “историй”, вторая — для настоящего момента.

Геттингенская конференция пришлась на советские 1980-е годы и проводилась во взаимодействии с ИМЛИ (Ю. Виппер, А. Демин, Г. Ломидзе, И. Фрадкин и др.). “Зарубежные” методологические заботы озвучены в двух выступлениях инициатора конференции Р. Лауэра. Во вступительном докладе он посетовал на трудности “написания истории литературы”: “Кто пишет историю литературы, всегда виноват” [32, с. 2]. Имелись в виду принципиальные “искушения”, которые подстерегают автора “истории”: 1) модная рецептивная концепция Х. Яусса, которая сводит историю литературы к истории критики; 2) социологизация; 3) чрезмерная фактография. В качестве выхода же Лауэр указывал на традиции русского формализма, предлагая рассматривать историю литературы как имманентное развитие стиля и жанровой системы, художественных приемов, тем, мотивов и т.п. [32, с. 3–4]. Такой подход практически тождественен — через 55 лет — подходу Мирского, но, очевидно, не потерял новизны. А в основном докладе

на конференции [33, с. 73–86] Лауэр размышлял о другой методологической проблеме, особенно значимой для Германии, — дискуссионности категории “национальная литература”, маркированной эпохой романтизма и скомпрометированной при национал-социализме. Как средство преодоления этой устаревшей и вредной категории он выдвигал многолитературность (“Multiliteraturarität”), то есть изучение сосуществования нескольких литератур в одной стране, распространение литературы какого-либо языка за пределы одной страны, авторов-би-, трилингвов и т.п. Активность Лауэра — инициатора и участника конференции “Принципы написания истории литературы” — тем значимей, что в 2000 г. он выпустил “Историю русской литературы” (см.: [34]).

Пекинская конференция носила более обобщающий характер, что и понятно: свершились эпохальные преобразования, ознаменовавшие время М. Горбачева и постсоветскую Россию; изданы новые “истории”; неизбежно возникли новые методологические “искушения”.

Отвлекаясь от выступлений, посвященных Китаю и другим восточным традициям, следует, прежде всего, назвать установочные доклады В. Багно [14] и В. Полонского [35]. В. Багно изучал цивилизационные модели осмысления русской литературы на материале книг М. де Вогюэ и Э. Пардо Басан: действительно, поиск этих моделей, свойственный зарубежным “историям”, присутствует уже в пионерских сочинениях, хотя приводит к противоположным результатам — у Вогюэ диагноз “силы религиозного чувства” в русской литературе, а у Пардо Басан — уверенность в том, “русская литература и предвосхищала революцию, и *готовила* ее” [14, с. 4, 11].

В. Полонский обсуждает теоретические аспекты встречи отечественных и зарубежных “историй” на поле новейшей литературы. Включая новых авторов, академическая “история” не просто количественно расширяет список литературных фактов, но и неизбежно корректирует канон, базовый для национальной культуры: “<...> история словесности одновременно фиксирует уже сложившийся, предзаданный ей канон литературной классики, <...> и в то же время, рефлексировав над каноном, его пересматривает, корректирует, порой даже полностью переформирует. <...> В этом смысле история литературы уподобляется академическим лингвистическим институтам по нормированию и кодификации

национального языка, никак не будучи сегодня на это уполномочена и имея дело с куда менее верифицируемым материалом” [35, с. 15]. Одновременно расширение “фактов” заставляет пересмотреть “вопрос о литературной периодизации” [35, с. 21], далеко не схоластический: ведь периодизация в истории литературы обязательно обусловлена той концепцией, которой придерживаются авторы (хотя периодизация имеет тенденцию к автоматизации при многократном воспроизведении), а потому изменения в периодизации и оценке современной литературы могут потребовать изменений в периодизации и оценке всей истории литературы. К примеру, “серебряный век” интересен не только сам по себе, но по той причине, что он «параллельно вырабатывал метаязык осмысления этой <литературной — М.О.> динамики, тем самым формируя иерархию ценностей и канон национальных достижений, прочитывая “золотой”, пушкинско-гоголевский период истории по собственным “серебряновечным” лекалам» [35, с. 23–24]; более того, «литераторами “серебряного века” оказалось отчасти абсорбировано не только прошлое, но и будущее — благодаря особому влиянию, которое они оказали на язык историко- и теоретико-литературных построений последующих десятилетий» [35, с. 26]. Таким образом, “сегодня по-настоящему состоятельной может быть, наверное, такая академическая история литературы”, которая представит “эволюцию отечественной словесности прошлого столетия не в виде стройной одномерной схемы, цементированной навязанными универсалиями, а как пучок многовариантных линий развития, причем акцент здесь будет неизбежно ставиться на несходстве схожего, на разности происходящего в соседних рядах — собственно-литературных, общественно-политических и т.п.” [35, с. 35–36].

Большинство докладов на пекинской конференции представлены полезнейшими обзорами различных национальных версий зарубежной “истории русской литературы”, которые выполнены авторитетными специалистами, нередко в написании такого рода “историй” участвовавших: а именно — французской [36], итальянской [37], немецкой [38], испанской [39] и английской [20]. Б. Менцель, дав подробную характеристику этапов немецкой традиции и отдельных “историй”, в заключение сформулировала кризисные вызовы, с которыми “истории” неизбежно столкнутся

в будущем: теоретическая проблематичность категории национальной литературы как укорененной в XIX в., “проблема мультикультурности как проблема написания истории литературы” (ср. замечания Лауэра на геттингенской конференции), “изменение медийного ландшафта”, то есть влияние “мультимедийной, мультилингвальной и мультикультурной литературы, а также растущую детерриториализацию” [38, с. 177–178].

Также Б. Менцель указала на важную роль справочников, которые подготовил Вольфганг Казак [38, с. 167]. Действительно, эти справочники незаменимы при изучении истории русской литературы. Авторский “Лексикон русской литературы XX века” (1992), к счастью, введен в российский обиход [40]. Изданная Казаком энциклопедия “Главные произведения русской литературы” (1997) разделена на пять частей: “Древнерусская литература от начала до конца XVII века”; “Просвещение и классицизм. XVIII век”; “Романтизм и реализм. XIX век”; “Русский модернизм. От рубежа веков до 1917”; “Политизация — разделение — возвращение единства. Русская литература от начала советской эры до сегодняшнего дня”; первые три раздела — меньше 300 страниц; актуальные четвертый и пятый — около 430. В каждой части статьи расположены в алфавитном порядке, по авторам (если есть); внутри статей об авторах — опять же по алфавиту — их избранные тексты; статьи снабжены библиографией. Например, в четвертую часть “Русский модернизм” включена статья об Андрее Белом [41, с. 329–334] (для сравнения: статья о Чехове, также в части “Русский модернизм”, в три раза пространней [41, с. 349–366]); она открывается списком литературы о жизни и творчестве писателя (из русскоязычных — работы эмигрантов К. Мочульского, М. Мироновой и сообщение о международной конференции в ИМЛИ в “Известиях РАН” за 1994 г.); затем — лирика, “Котик Летаев”, “Петербург”, “Серебряный голубь”; после каждого текста — указания на русские издания, немецкие переводы (если есть) и научную литературу. В статьях не только пересказывается сюжет, но дается толкование произведения. Так, в статье об И. Ильфе и Е. Петрове ([41, с. 531–532], пятая часть) представлены два романа об Остапе Бендере; в связи с “Двенадцатью стульями” сообщается о “легкости” слога соавторов; отмечается мастерство техники — комизм ситуаций, трюки в духе Ч. Чаплина, гоголевский гротеск;

в качестве объектов сатиры (сатира во второй половине романа оценивается как более острая) указаны советский утопизм (вселенский шахматный конгресс в Васюках), а также классы “бывших”, советский бюрократизм, хозяйственный беспорядок и т.п. В статье о “Золотом теленке” скорее преобладает пересказ, лишь в конце его жанр классифицируется как плутовской роман. К несчастью, в статье присутствуют фактические неточности [41, с. 532]: антагонист Бендера, конечно, не “Корейков”, а “Корейко”, и попался он “великому комбинатору” не в Сибири, а на строительстве Туркестано-Сибирской магистрали, в Казахстане.

Наконец, другой справочник Казака 1997 г. [42] содержит полезнейший аннотированный указатель историй русской литературы, как российских, так и зарубежных.

3.

Как уже уточнялось, основной объект исследования в данной статье — зарубежные “истории”, увидевшие свет в течение последних пятидесяти лет. Анализ их целесообразно начать с немецкой традиции, наверное, самой богатой на европейском континенте, о чем свидетельствует обзор Б. Менцель на пекинской конференции.

Еще в первые десятилетия XX в. в Германии были опубликованы “истории” А. Брюкнера и А. Лютера, в достаточной мере отвечавшие академическим стандартам; для того времени симптоматично, что компетентность авторов в области русской литературы отчасти объяснялась их биографической связью с Российской империей [38, с. 162–166]. В этот же ряд стоит поставить “Историю русской литературы в лицах” (1922) Александра Элиасберга (см. изд.: [43]), который, родившись в Минске, вошел в немецкую литературную среду (близкое окружение Т. Манна) и в то же время выступал посредником между Западом и русским символизмом (предисловие к книге написал Д. Мережковский; “первое” лицо — А. Пушкин; новая литература представлена “лицами” А. Чехова, М. Горького и Л. Андреева, М. Кузмина и А. Блока, а также краткими обзорами “декадентов”, неореалистов и их эпигонов, литературой “под большевизмом”). Б. Менцель добавляет к числу выходцев из России, сыгравших роль в немецкой русистике [38, с. 162–166], блистательного Дмитрия Чижевского (цельной “Истории русской литературы” не написавшего) и Всеволода Сечкарева, уже в 1962 г. выпустившего “Историю русской литературы” [44].

В 1950-х наступает следующий этап в эволюции немецких “историй”, очевидно, детерминированный изменениями, которые происходили в советском обществе после 1953 г. Для этого этапа показательна “История русской литературы” (1955) В. Леттенбауэра (см.: переиздание 1958 г. [30]). Вильгельм Леттенбауэр уже не имеет никакого биографического касательства к России, книга прямо предназначена для университетов и включает литературный материал до смерти И. Сталина. Новой литературе посвящены финальные четвертая и пятая главы, которые занимают одну треть книги (ср. 50 страниц из 500 у А. Брюкнера). Четвертая глава “Литература 1880–1920 гг. и литература эмиграции” начинается с А. Чехова и завершается “прозаиками эмиграции” (две страницы): И. Шмелев, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Набоков (трогательно подчеркнуто происхождение семьи А. Блока из Мекленбурга [30, с. 231]). В пятой главе “Советская литература” — после привычных 1920-х годов — применительно к организации ССП в 1932 г. дается характеристика признаков социалистического реализма, где вместе с введением прямого политического руководства литературой оговариваются компромисс с интеллигенцией и реабилитация классики [30, с. 271–272], а все изложение доведено до “оттепели”: знаковые статья И. Эренбурга в “Знамени” и роман В. Пановой “Времена года” (1953); выступление А. Суркова на II съезде писателей с обвинениями сторонников “оттепели” в объективистском отступлении от соцреализма (1954); лучшие произведения: романы К. Федина и “Лес” Л. Леонова; продолжатели отечественной “обличительной литературы”: “Не хлебом единым” В. Дудинцева и “Собственное мнение” Д. Гранина (1956); по мнению В. Леттенбауэра, высказанному на последней странице, дальнейшее развитие советской литературы трудно предсказать, но, учитывая решения XX съезда КПСС, есть основания для надежды [30, с. 315].

Почти одновременно с Леттенбауэром в немецком переводе была издана “История русской литературы” (1957) А. Стендер-Петерсена; книга, на датском языке опубликованная в 1952 г. в трех томах (“Den Ruskiske litterature historie”), доныне сохраняет популярность в университетах Германии, а перевод продолжает переиздаваться (см., напр.: [45]). Знаменитый датский славист Адольф Стендер-Петерсен родился в Петербурге в 1893 г., жил

в России до 1916 г. и в предисловии благодарно пишет, что “История” восходит не только к лекциям, которые он читал в Дании, но в чем-то — к гимназической и студенческой юности [45, с. IX]. В отличие от Леттенбауэра, Стендер-Петерсен демонстративно игнорировал советскую литературу: последняя глава “Период модернизма” (только 140 страниц из общего объема в 980 страниц) обрывает повествование на 1917 г. Датский славист убежден: Октябрьская революция ознаменовала конец второго периода русской литературы (“европейского”; первый — “византийский”, то есть древнерусский) и начало третьего (“советского”), однако его история “еще не написана” [45, с. 543], в том смысле, что еще не может быть написана — нет достаточной дистанции. Эта позиция фактически соответствует российской традиции (ср. ленинградский четырехтомник), но в зарубежной перспективе несколько маргинальна.

Генерация актуальных немецких “историй” увидела свет в 1990-е годы, что закономерно совпало с новым витком кардинальных преобразований в России. Так, в упоминавшейся энциклопедии В. Казака “Главные произведения русской литературы” основной словарной части предпосланы два эссе: “Русская литература” Леттенбауэра (до “серебряного века”) и самого издателя “Русская литература 20 века. От символизма до конца Советского Союза”. Эссе Казака краткое, но концептуальное: он вписывает советскую литературу в политическую историю, однако полемизирует с политическими схемами советской науки и западных ученых, которые их повторяют. Согласно Казаку, после феерического “серебряного века” русская литература вступила в период разделения, когда советская ее ветвь деградировала, будучи отлучена от правдивого изображения реальности, в то время как эмигрантская продолжила прерванную плодотворную традицию (подразумеваются все три “волны” эмиграции: 1917–1922, 1941–1945, 1971–1984); напротив, “перестройка” вернула русскую литературу из пагубного разделения и в целом нормализовала положение [41, с. 17]. Хотя реформы М. Горбачева имели негативную социальную сторону, в литературе они вызвали перелом, сопоставимый с 1917 г.: право писателей на честное самовыражение, отмена цензуры, отказ от соцреализма, рост культурного значения провинции [41, с. 21–22]. Конечно, в литературной области тоже наблюдались элементы распада (утрата современными писателями высокого

общественного статуса, падение гонораров), однако читатель получил ранее запретные тексты, стала возможной открытая полемика “правых” и “левых” (кавычки автора), возникли новые журналы, в частности, поддерживающие “другую литературу” — модернизм и постмодернизм. Наконец, российская наука смогла обратиться к литературоведческим и философским идеям, сохраненным и развитым в эмиграции.

Наиболее полно актуальный этап реализовался в авторской “истории” Р. Лауэра 2000 г. и коллективной “истории”, изданной под редакцией К. Штедтке в 2002 г. (см. переизд. обеих: [34]; [46]).

“История русской литературы” Лауэра начинается с 1700 г., потому что, по мнению автора, лишь тогда русская литература стала великой и даже древнерусскую литературу следует изучать с точки зрения ее рецепции “после Петра” — изящный логический ход, обязанный школе Яусса [34, с. 15–16]. Так что хотя Лауэр включил в свою малую “Историю” 2005 г. раздел о средневековой литературе [47], суть концепции от этого не изменилась.

В большой “Истории” новая литература занимает 500 страниц из 900, то есть — в отличие от Мирского и Леттенбауэра — уже больше половины.

На геттингенской конференции Лауэр призывал анализировать историю литературы как имманентную систему. Теперь, ссылаясь на идеи Ю. Лотмана о бинарности отечественной культуры, он заключает специфику русской литературы (безусловно, принадлежащей к великим национальным литературам) в постоянном споре “славянского”, “азиатского” и европейского модернизаторского направлений, которые в разные эпохи облекаются в различные формы [34, с. 19–20]. Этот спор, выразившийся в восходящих к А. Пушкину и Н. Гоголю линиям литературы, идет вплоть до времен И. Сталина и Л. Брежнева и снимается только в эпоху “перестройки”: так, формат Пушкинских торжеств 1999 г. (ср., кстати, значение Пушкинского юбилея 1880 г. в “Истории” Пыпина) допустил равно официальные празднества и постмодернистское эссе А. Битова “Вычитание зайца” ([34, с. 32–33]; Битовское эссе 1992 г. было по-немецки опубликовано в 1999 г.). Также приложение “бинарности” — нетривиальная (и, откровенно говоря, не совсем понятная) идея Лауэра о парадигме “плеяды” как выражении творческого

народного начала, присущего русской литературе со времен М. Ломоносова и отличающего ее от других литератур [34, с. 33]. В малой “Истории” идея “плеяды” дополнена идеей близнецов-“диоскуров” (тоже смутной): А. Герцен и Н. Огарев, Л. Толстой и Ф. Достоевский, А. Блок и А. Белый [47, с. 14–15].

Большая “История русской литературы” состоит из восьми глав: “Европеизация русской литературы”; “Эпоха Пушкина (1820–1840)”; “Русский реализм (1840–1880)”; “Русский модернизм (1880–1917)”; “Разделение русской литературы”; “Социалистический реализм (1932–1953)”; “Оттепель и новые разделения (1953–1984)”; “Реинтеграция русской литературы (с 1985)”.

Не имея возможности в рамках данной статьи детально изучать “Историю” Лауэра (как и другие “Истории”), сосредоточим внимание на концептуальных положениях, касающихся новой литературы.

Глава пятая “Русский модернизм (1880–1917)” свидетельствует, что интерпретация русского модернизма, можно сказать, отстоялась: глава привычно разделена на “Между натурализмом и символизмом (1880–1910)” (символизм из 60 страниц занимает всего 15) и “Акмеизм и футуризм (1910–1917)”.

В главе “Разделение русской литературы” первый раздел “Литература эмиграции (1917–1940)” посвящен эмиграции, изложение ведется по ее центрам и венчается творчеством В. Набокова, которое в своих синтетических тенденциях — как позднее творчество И. Бродского — задает парадигму будущего плодотворного слияния культур [34, с. 587]; второй раздел “Группировки 1920-х гг.” содержит обзор словесности, тоже пока многоцветной и относительно свободной.

Лауэр весьма обстоятелен в “советских” главах: “Социалистический реализм (1932–1953)” и “Оттепель и новые разделения (1953–1984)”. Достаточно перечислить подразделы в разделе “30-е годы”: *Тоталитарный контроль над литературой; Власть Сталина; Герои и вредители; К генезису соцреализма; Поддержка литературы и преследования писателей; Производственный роман; Роман воспитания; Роман-эпопея; Массовая песня и детская литература; С. Маршак; Литература в тени* (неофициальная, своего рода третья ветвь наряду с советской литературой и эмиграцией); *А. Ахматова; Д. Хармс; Л. Добычин; А. Платонов; Творчество М. Булгакова.*

Вместе с тем, Лауэр применяет свою “бинарную” концепцию и подход к русской литературе с точки зрения разделения / реинтеграции: творчество М. Булгакова (преимущественно остававшееся “в тени”) выступает вершиной 1930-х годов, цикл романов К. Федина выдерживает сопоставление с “Доктором Живаго” (от проблематики до символики свечи) [34, с. 751–752], а подключение третьей волны эмиграции и прежде всего поэзии И. Бродского позволяют с уверенностью говорить о художественном и политическом богатстве брежневского “застоя” [34, с. 840]. На первый взгляд, это — парадоксы, однако они провоцируют постановку серьезнейшей культурной задачи, упоминавшейся выше: формирование канона отечественной литературы.

Последняя глава “Реинтеграция русской литературы (с 1985)” содержит два раздела: “Снятие табу и открытость” и “Перспективы”. В разделе “Снятие табу и открытость” изложены литературные факты, представление о подборе которых можно получить из заглавий некоторых подразделов: *Перестройка и гласность* (политический обзор от М. Горбачева до войны в Чечне); *Гражданская война в литературе* (консерваторы из Московского отделения СП против “Апреля” и т.п. продолжателей “Метрополя”); *Снятие табу и открытость* (“Доктор Живаго”, антология Евтушенко “Русская муза XX века”, возвращенная литература); *Перестроечная литература* (“Пожар” В. Распутина, “Плаха” Ч. Айтматова, “Печальный детектив” В. Астафьева, “Ночевала тучка золотая” А. Приставкина, “Белые одежды” В. Дудинцева, “Зубр” Д. Гранина; актуализация “Детей Арбата” А. Рыбакова и произведений В. Гроссмана “Жизнь и судьба”, “Все течет”); *Михаил Шатров* (ленинская пьеса 1988 г. “Дальше... Дальше... Дальше!”); *Другая проза* (это выражение С. Чупринина обозначает в основном авторов альманаха “Метрополь”, в частности, сюда относится критическая статья “Поминки по советской литературе” (1990) Виктора Ерофеева, предложившая новое понимание текста и текстовых практик [34, с. 861]); *Русские “Цветы зла”* (то есть нарушения табу — по названию антологии, собранной Виктором Ерофеевым: имеются в виду Ю. Мамлеев, Венедикт Ерофеев, Е. Харитонов, “Это я, Эдичка” Э. Лимонова, “Тридцатая любовь Марины” В. Сорокина, “Школа для дураков” Саши Соколова, “Смирненное кладбище” С. Каледина); *Евгений Попов; Виктор Пелевин; Л. Петрушевская; Т. Толстая; Современная лирика.*

Концептуализм. Д.А. Пригов. Л. Рубинштейн. Подборка значимых вех и текстов, надо признать, ожидаемая, но раздел “Перспективы” — снова вполне авторский. Лауэр строит его на творчестве вернувшегося А. Солженицына, так сказать, после “Колеса”: писатель, давно ставший в России символом литературы общественного воздействия, выступил тогда автором сомнительного исторического сочинения “Двести лет вместе”, но и таких поздних шедевров, как рассказы “Эго” и “На краях”. Согласно Лауэру, основная перспектива для русской литературы — дальнейшая борьба за свободу и разнообразие самовыражения писателя, и в этой перспективе она по бинарной логике должна выбирать между очередными “диоскурами”: Солженицыным — литературой социальной направленности и Набоковым — литературой, позиционируемой как особый мир ([34, с. 907–912]; в малой “Истории” Лауэр структурировал современную литературу другой парой “диоскуров” — А. Битовым и В. Маканиным [47, с. 14–15]).

“История”, изданная К. Штедке, во многих отношениях близка “Истории” Лауэра. Она так же предназначена студентам; так же сфокусирована на новой литературе, которой уделено 240 страниц из 465 и на которую приходится расцвет русской литературной традиции [46, с. IX–X]; так же редактор исходит из того, что только с точки зрения современного социального преобразования России становится возможной история, свободная от идеологических клише и предрассудков [46, с. VII]; так же авторы исследуют различные этапы и формы процесса разделения и интеграции литературы, что используется как способ не разрушения, а реконструкции канона [46, с. VII]. Важное же отличие книги Штедке от работы Лауэра — более настойчивое соотнесение литературы с внелитературным контекстом, в том числе, характеристики социально-политической ситуации, которые предваряют главы.

Главы в “Истории” Штедке написаны самим редактором и еще пятью славистами; глав — девять: “Средние века”; “18 столетие”; “От конца XVIII в. до Крымской войны”; «Реализм и “междувременье”»; “Модернизм”; “От авангарда к литературной уравниловке (1917–1934)”; “Социалистический реализм”; “От оттепели к перестройке (1953–1991)”; “Литература в Новой России (1991–2010)”.

Чтобы дать некое представление о подходе коллектива авторов к новой литературе, можно

показать, как конкретно работает механизм разделения / реинтеграции. В главе “Модернизм” В. Киссель, упомянув системы периодизации З. Минц и А. Ханзена-Леве, выделил три этапа модернизма по такому принципу: 1) амбивалентный модернизм (1892–1905 гг.); 2) воинствующий модернизм — постсимволизм и ранний авангард (1905–1921 гг.); 3) рассыпанный модернизм — модернизм в эмиграции (1922–1940 гг.). Значит, два этапа единого модернизма пришлось на литературу, бытующую в России, а третий — на эмигрантскую ветвь, отделившуюся в результате дезинтеграции 1917 г. А. Гуски в главе “От авангарда к литературной уравниловке (1917–1934)”, определяя значение “великой цезуры”, вызванной Октябрьским переворотом, описывает разделение русской литературы на четыре ветви: 1) официальная; 2) эмигрантская; 3) запрещенная; 4) самиздат [46, с. 290–291]; соответственно, австрийский славист Хр. Энгель в главе, посвященной 1953–1991 гг., рассматривает литературу этого периода как неразрывное сплетение госиздата, самиздата и тамиздата, распределяя тексты того времени не по ветвям, а в хронологическом порядке и по тематике, что не могло бы работать для довоенного периода [46, с. 355].

Также Хр. Энгель — автор завершающей главы “Литература в Новой России”; во втором издании изложение здесь достигает аж 2010 г. Р. Лауэр ранее ограничивался собственно концом тысячелетия, реализуя теоретическую концепцию единой русской литературы. Напротив, австрийский ученый предпочитает более строгий хронологический подход, причем справедливо оговаривает, что характеристика актуальной литературы — по определению предприятие дерзкое и предварительное [46, с. 397]. Вначале, характеризуя социальный контекст, она указывает на условия существования литературы в 1991–2010 гг.: 1) кризис ССП и формирование нового книжного рынка; 2) система литературных премий (“Русский Букер”, “Национальный бестселлер”, “Большая книга”); 3) опросы читательской аудитории (оказывается, в 2003 г. одинаково высоко оценивались А. Рыбаков и А. Солженицын); 4) участие в престижных международных акциях вроде Франкфуртской книжной ярмарки. С литературной точки зрения, общей особенностью эпохи обусловлено доминирование постмодернизма (для периода 1953–1991 гг., глава о котором также принадлежит Энгель, она дефиниций такого рода

избегала, предпочитая акцентировать интеграцию различных ветвей литературы): предшественники — В. Набоков, А. Битов, Венедикт Ерофеев; актуальные примеры — повесть Е. Попова “Накануне накануне” и роман М. Шишкина “Венерин волос”, адаптировавший традицию “Улисса” Дж. Джойса; особо выдвинуты В. Пелевин и В. Сорокин. Конкретный анализ периода 1991–2010 гг. Энгель дает “по царствиям”. Слоган литературы эпохи Б. Ельцина — “реальности и идентичности в изменении”, показательные тексты: “Новые Робинзоны” Л. Петрушевской, “Медея и ее дети”, “Даниил Штейн, переводчик” Л. Улицкой, “Андерграунд, или Герой нашего времени” и “Асан” В. Маканина, “Кысь” Т. Толстой, “Орфография” Д. Быкова, “Духлесс” С. Минаева, фильмы А. Балабанова, детективы А. Марининой, Д. Донцовой и интеллектуалов Б. Акунина, Л. Юзефовича, “новая драма” Мих. Угарова, Е. Греминой, Е. Гришковца, М. Курочкина, И. Вырыпаева, братьев Пресняковых. Слоган литературы эпохи В. Путина — “имперские проекты и их противовесы” (ученый приводит слова Л. Данилкина, что нулевые теоретически должны были стать пост-сорокинскими, а стали пост-лимоновскими [46, с. 419–420]): идеологический С. Шаргунов, “Господин Гексоген” А. Проханова — антисемитский политический триллер; в русской литературе за пределами России — популярный в Германии прозаик Владимир Каминер; использование медийных возможностей (к изучению которых призывала Б. Менцель): интернет-проект М. Кононенко “Владимир Владимирович”, пионеры литературного интернета — М. Мошков, Р. Лейбов, интернет-лирика в деятельности Д. Кузьмина, жанр “танкеток” (инициатор А. Верницкий).

Коллективные сборники под редакцией Б. Целинского “Русская новелла”, “Русская лирика”, “Русский роман”, “Русская драма” (серия “Русская литература в интерпретации отдельных текстов”), строго говоря, не относятся к жанру “историй”, но напоминают его по подходу и востребованности в университетах (см., напр.: [48]; [49]; [50]; [51]). Например, композиционная организация сборника “Русская драма” такова: пространная вступительная статья редактора с обширнейшей библиографией, где дается полный обзор начиная с ранней драмы XVII в. и где новой литературе (от А. Чехова) выделено 55 страниц из 124; отдельные статьи разных авторов посвящены образцовым текстам (с отдельной

библиографией): Д. Фонвизин “Недоросль”, А. Грибоедов “Горе от ума”, А. Пушкин “Борис Годунов”, Н. Гоголь “Ревизор”, И. Тургенев “Месяц в деревне”, А. Островский “Лес”, Л. Толстой “Власть тьмы”, все четыре классические пьесы А. Чехова, М. Горький “На дне”, А. Блок “Балаганчик”, А. Крученых “Победа над солнцем”, В. Маяковский “Мистерия-буфф”, М. Булгаков “Дни Турбинных”, Н. Эрдман “Самоубийца”, И. Бабель “Мария”, А. Введенский “Елка у Ивановых”, А. Вампилов “Утиная охота”, Л. Петрушевская “Чинзано”; причем, теперь новой литературе (если включать в нее А. Чехова) отведено 200 страниц, а классике — всего 115.

В заключение хотелось бы кратко коснуться “истории” Э. Вагеманса, бельгийского слависта (левенский Католический университет): опубликованная в 1951 г. на нидерландском языке (E. Waegemans “Russische literatuur van de 18e eeuw”), она в расширенном варианте была в 1998 г. переведена на немецкий и (подобно книге датчанина Стендер-Петерсена) активно рекомендуется в Германии [42, с. 115–116], а в 2002 г. в переводе Д. Сильвестрова была опубликована по-русски в издательстве РГГУ (см.: [52], см. также рецензию: [53]).

4.

Переходя к традициям романских стран, оказываемся лицом к лицу с амбициознейшей “Историей русской литературы” французского издательства “Fayard”. Эта “История” состоит из шести томов энциклопедического формата; вначале ударно подано — с нарушением исторического порядка — XX столетие: первый том (1987) посвящался “серебряному веку” от А. Чехова [54], второй — революции 1917 г. и двадцатым годам [55]; третий — тому, что авторы называли “заморозками” и “оттепелями” [56]; затем последовали “классические” тома: от истоков до Г. Державина [57]; эпоха А. Пушкина и Н. Гоголя [58]; в 2005 г. исторический круг замкнулся реалистическим романом [59]. Участниками “Истории” стали многие авторитетнейшие литературоведы из разных стран, в частности, редакторы — Ж. Нива (Франция), В. Страда (Италия) и представители третьей волны эмиграции И. Серман, Е. Эткинд. Подход коллектива позволяет отнести французскую “Историю” к англо-саксонской парадигме “cultural studies”: “Авторы описывали эволюцию литературной цивилизации, в которой словесный феномен многообразно отражался в зеркалах

иных искусств и форм творчества (философии, живописи, театра, кино)” [35, с. 22] (склонный к традиционному литературоведению В. Казак воспринял эту широту охвата как мало объяснимую небрежность [42, с. 112]). Также “История” необычно включает — в пик советскому недоверию к форме — специальные очерки поэтики писателей, причем “серебряного века”: А. Блока и В. Маяковского (Е. Эткинд), О. Мандельштама (Т. Венцлова), Б. Пастернака (А. Жолковский), А. Ахматовой (А. Найман). Вообще, размах французской “Истории”, очевидно, определялся тем, что она была задумана во времена “холодной войны” как альтернатива советскому изводу. Однако пока выходили очередные тома, в СССР произошла смена идеологических вех, а запретные темы и авторы перестали быть таковыми и началось их основательное изучение: в результате закономерно, что на русский язык был переведен только первый том — том “серебряного века” [60].

“История”, изданная “Fayard”, пространна и создана замечательными специалистами, но, увы, получается: чем значительней труд, тем меньше о нем слов — в статье ее анализ вынужденно редуцирован до тома 1990 г., ответственного хронологически позднему периоду русской литературы.

Предшествующий ему том “Революция и двадцатые годы” заканчивался на переломном 1929 г. (решительный поворот партийной политики в сторону РАППа и стеснения других литературных группировок, “дело” Б. Пильняка и Е. Замятина, проблемы у М. Булгакова, А. Платонова, Л. Добычина, даже у И. Ильфа с Е. Петровым [55, с. 843–854]). Том же “Заморозки и оттепели” открывается оптимистическим вступлением, в котором указывается на событие, символически определяющее современность: “Архипелаг Гулаг” опубликован в Москве [56, с. 8]. Том — согласно парадигме “cultural studies” — включает главы о массовой (Л. Геллер) и детской литературе (Лев Лосев); литературоведении и литературной критике, в том числе очерки М. Холквиста о М. Бахтине, Ц. Тодорова о В. Проппе, И. Сермана о Б. Эйхенбауме и Д. Лихачеве, Н. Эйдельмана о пушкинистах и Ю. Оксмане, Б. Гаспарова о Ю. Лотмане; о философии (М. Бахтин, П. Флоренский, А. Лосев, Г. Шпет); музыке; пластических искусствах (И. Голомшток). В заключительной восемнадцатой главе польский критик А. Дравич характеризует литературу

конца восьмидесятых (по причине стремительности происходящих перемен напоминая, что пишет в 1989 г. [56, с. 892]): “перестройка” уникальна в советской истории, ведь литература открыто перестала выполнять партийный заказ, возникла возможность воссоединения с эмигрантской ветвью и вообще произошла нормализация [56, с. 904–905]. В ту же главу помещен раздел “Литература третьей оттепели” российского критика И. Золотусского, где раскрывается базовая метафора тома: первая советская “оттепель” — 1920-е, вторая, собственно классическая — 1950–1960-е, третья началась в литературе вскоре после программных заявлений М. Горбачева (“Пожар” В. Распутина, “Печальный детектив” В. Астафьева, “Плаха” Ч. Айтматова); далее критик сдержанно оценивает “другую литературу”, оппозирующую гражданскому и духовному наследию предшественников (на примере двух Ерофеевых [56, с. 922]); завершается глава меланхолической констатацией, что писатели этих лет оказались в невыгодной позиции: их затмили “возвращенные” читателю А. Платонов, Б. Пастернак, В. Гроссман.

Одновременно с французской “Историей” в Италии вышла трехтомная “История русской литературной цивилизации” под редакцией М. Колуччи и Р. Пиккио [61], тоже написанная при участии ученых из разных стран. Чисто формально объемом “История” М. Колуччи и Р. Пиккио не так выделяется, как проект издательства “Fayard” или прежняя итальянская “История” Э. Ло Гатто, но, разумеется, впечатляет. Первый том — литература от Древней Руси (Р. Пиккио — всемирно-известный медиевист, его “История древнерусской литературы” неоднократно переводилась на русский — см., напр.: [62]) до конца XIX в. (А. Чехов); справочный третий том — хронология русской литературы и словарь писателей; второй — весь XX в. На первый взгляд, второй пространнее первого (800 и 900 страниц), однако в том включены отдельные части, посвященные фольклору и вспомогательным критическим материалам (Sussidi critici): Р. Уэллек “Характерные особенности русской литературной критики” (включая литературоведение); Р. Пиккио и Б. Успенский “Формирование русского литературного языка”; С. Гардзонио “Русская метрика”; М. Бёмиг “Литература и другие искусства”; Д. Кавайон “Русско-еврейская литература”; Ч. Де Микелис “Россия и Италия” — так что в итоге получается не 900, а 550 страниц.

В лаконичном предисловии поясняется главное понятие “литературной цивилизации”, которое особенно подходит к России, где писатели всегда подчиняли художественные задачи политическим и религиозным [61, т. 1, с. VI]. Отсюда вытекает и композиционное построение, вписывающее историю литературы в политическую и культурную, что выражается в “этикетках” эпох, дополнительно облегчающих читателю ориентацию в материале. Естественно, оговаривается учет распада СССР, реструктурирования литературы и постсоветских перспектив [61, т. 1, с. VI].

М. Плюханова, один из авторов итальянской “Истории”, представила исчерпывающий ее разбор на пекинской конференции, да еще с острыми элементами “инсайта”. Она подчеркивает, что если французская “История” создавалась “с позиций русского литературоцентризма”, то итальянская — с точки зрения западноевропейской культуры, “ее величия, полноты и порядка” [37, с. 138–139]. Кроме того, установка М. Колуччи (собственно организатора) на “магистральные пути культуры” обусловила “уважительное отношение к государственным институтам” СССР; отсюда — композиция второго тома, «в которой Булгаков — альтернатива, а фундаментальные модели — это произведения Горького, “Как закалялась сталь” Островского и даже песни — такие как “Катюша»» [37, с. 148]; отсюда же — сдержанное отношение к диссидентам и то, что творчеству И. Бродского места “почти не дано” [37, с. 150]. Однако ход времени и преобразования в России привели к тому, что идея “Истории” корректировалась [37, с. 150]: например, А. Шишкин написал главу “Оппозиция Октябрьской революции слева и справа” (с анализом “Петербургских дневников” З. Гиппиус, “Апокалипсиса нашего времени” В. Розанова, текстов А. Ремизова, М. Горького, “скифской” группы Р. Иванова-Разумника).

Литературный материал XX в. распределен во втором томе по двум частям: «“Серебряный век” русской литературы» (170 страниц) и “Советский период” (330 страниц), в которой последняя небольшая глава (20 страниц) — “Конец утопии: русская литература постсоветского периода” (А. Урусов). Автор иллюстрирует общую кризисную ситуацию статьей Виктора Ерофеева “Поминки по советской литературе”; к показательным фигурам относит Л. Петрушевскую, С. Каледина, М. Кураева, Т. Толстую, Е. Попова, Д.А. Пригова

и — что характеризует время — публицистов В. Селюнина, Л. Чуковскую, Ю. Черниченко, Л. Сараскину [61, т. 2, с. 488–489]. Реструктурирование актуальной литературы А. Урусов удачно назвал “Выход из подполья и смена караула”: это, с одной стороны, выдвижение на передний план представителей бывшего андерграунда В. Сорокина, Л. Рубинштейна, Д.А. Пригова, постмодернистов с их идолом Венедиктом Ерофеевым, а также эмигрантов А. Солженицына, Г. Владимова, В. Аксенова, В. Войновича, с другой — утрата читательского интереса не только советским официозом (Г. Марков, А. Иванов, Л. Леонов, Ю. Бондарев), но и вполне уважаемыми С. Залыгиным, Б. Можаявым, Г. Баклановым, В. Быковым [61, т. 2, с. 493–495]. Отдельное внимание слаvist уделяет текстам, постмодернистски цитирующим и переосмысляющим отечественную культуру: “Накануне накануне” Е. Попова — роман И. Тургенева, “Сундучок Милашевича” М. Харитонова — “серебряный век”, эссе Саши Соколова “Знак озарения. Попытка сюжетной прозы” — “Охранную грамоту” Б. Пастернака, уникальный “Бесконечный тупик” Д. Галковского — В. Розанова и В. Набокова [61, т. 2, с. 499–500]. Также “конец утопии” советского общества логично оборачивается цветением антиутопии: “Невозвращенец” А. Кабакова, “Я — Мышиный король” А. Столярова, “Лаз” В. Маканина; к этому ряду присоединен В. Пелевин (тогда начинающий) с “Жизнью насекомых” [61, т. 2, с. 500–502]. Обзор поэзии А. Урусов центрирует вокруг Нобелевской премии И. Бродского, приходя к обнадеживающему выводу: литература продолжается.

Дальнейшее развитие русской литературы нашло отражение в авторской “Истории” Г. Карпи (2010–2016). В предисловии ученый пишет, что его “История” не энциклопедический свод знаний, как “История русской литературной цивилизации” М. Колуччи и Р. Пиккио, но попытка помочь ориентироваться тем, кто уже владеет некоторыми сведениями [63, с. 13]. Однако “История” все равно получилась двухтомной: первый том — “От Петра Великого до Октябрьской революции” [63], второй (вдвое короче) — “От Октябрьской революции до сегодняшнего дня” [64]. Это композиционное решение останавливает внимание: если отсутствие древней литературы, уместившейся в первую главу “Пролог”, имеет аналоги у Р. Лауэра или Э. Вагеманса, то “перетаскивание” последней трети XIX столетия и “серебряного века” в начальный том похоже

не на западные “истории”, а на ленинградский четырехтомник. Также автор в предисловии декларирует приверженность социологическому методу (марксистского типа).

Первый том “Истории” эмоционально венчается характеристикой лирики М. Цветаевой, “цементируемой” болью [63, с. 702], а второй том Г. Карпи не только открывает событиями 1917 г., но и формулирует высокую значимость столетнего юбилея Октября (цитируя слова Е. Добренко: “книга коммунизма” закрыта, однако ее следует перечитывать [64, с. 11]). Соответственно, итальянский славист доказывает, что представление эмиграции “истинно русским изгнанием идеи ради” — “миф”, что литература первой волны не хранитель традиции, альтернативной советской, а среда эффективно функционирующих механизмов управления (пусть и не таких жестких, как в СССР), да и слишком неоднородной была политическая позиция “России вне России” (во вставках дается информация о сменовеховцах и евразийцах) [64, с. 201–205].

Рубеж актуальной литературы Г. Карпи условно датирует 1990 г.: финал “возвращения” отверженной литературы, позднегорбачевские политические и экономические реформы и — как у многих славистов — статья Виктора Ерофеева с символом-заглавием “Поминки по советской литературе”. Социально-экономическое положение: новая буржуазия сформировалась, а новое общество не сформировалось — определяет спрос на эклектизм, который, в свою очередь, объясняет официальный стиль “вампира” (обыгрывание “ампира”, то есть имперское искусство с хищно-буржуазной окраской), идейный вакуум, господство паралитературы и литературы постмодернизма [64, с. 318–324]. В России — если ответственно следовать дефиниции — постмодернизм восходит не к поэме Венедикта Ерофеева “Москва–Петушки”, которая продолжает духовную линию “Поэмы без героя” А. Ахматовой и “Египетской марки” О. Мандельштама, а к “Школе для дураков” Саши Соколова и “Пушкинскому дому” А. Битова [64, с. 279]; репрезентативные тексты современного постмодернизма — “Чапаев и Пустота” В. Пелевина, “Голубое сало” В. Сорокина, “Андерграунд, или Герой нашего времени” В. Маканина (самый глубокий роман десятилетия). Однако, согласно Г. Карпи, постмодернизм — господствующее, а не единственное направление в актуальной литературе: ему оппонирует традиция русского

“литературоцентризма”, и это культурное противостояние отражается в общественной дискуссии либералов и консерваторов [64, с. 316]. В итоге образуется сложная литературная констелляция, которую составляют: в прозе — выдающиеся произведения, нацеленные на поиск себя в истории (“Ложится мгла на старые ступени” А. Чудакова, “Свечка” В. Золотухи), З. Прилепин и его школа; в поэзии — с уходом фигур консенсуса типа Е. Евтушенко, И. Бродского, даже Е. Шварц — распыление на кружки, на отдельных поэтов вне групп (М. Степанова) и появление эстрадной поэзии (В. Полозкова) [64, с. 327]. По любопытному (хотя поспешному) обобщению автора “Истории”, именно переживание континуитета русской литературы обуславливает современную востребованность “педагогического” мотива ученичества и инициатического пути сквозь страдания (романы М. Шишкина “Письмовник”, Е. Водолазкина “Лавр”, В. Сорокина “Теллурия”, В. Шарова “Возвращение в Египет”, З. Прилепина “Обитель”, В. Пелевина “Смотритель”), что вновь должно напомнить о шедеврах А. Чудакова и В. Золотухи и сигнализировать о ситуации кризисного перехода [64, с. 327–329].

В заключение обзора романских “историй” остается сказать об испанской традиции. Согласно статье Э.Ф. Куеро Хервилли и Н. Арсентьевой “Итоги и перспективы обзоров русской литературы в Испании” [39], в рамках этой традиции, несмотря на давний почин графини Э. Пардо Басан, “Истории русской литературы” пока не созданы, в начале XX столетия довольствовались испанским переводом “Русской литературы” К. Валишевского, а в конце столетия (1997) была опубликована суммарная “История славянских литератур” под редакцией Ф. Пресы Гонсалеса [65].

5.

В англо-саксонском мире на закате советской власти вышла “Кембриджская история русской литературы” — под редакцией Ч. Мозера (Moser) и при участии авторитетных ученых (среди них эмигрировавшие из СССР И. Серман, М. Альтшуллер) [66]: год публикации — 1989-й, но закончена она была десятилетием раньше и “перестройку” не учитывает.

Книга разделена на десять глав: “Древнерусская литература, 988–1730”; “Восемнадцатое столетие: неоклассицизм и Просвещение, 1730–1790”; “Переход к современной эпохе: сентиментализм и предромантизм, 1730–1820”; “Девятнадцатое столетие: романтизм, 1820–1840”;

“Девятнадцатое столетие: натуральная школа и ее продолжатели, 1840–1855”; “Девятнадцатое столетие: эпоха реализма, 1855–1880”; “Девятнадцатое столетие: между реализмом и модернизмом”; “Рубеж веков: модернизм, 1895–1925”; “Двадцатое столетие: эра социалистического реализма, 1925–1953”; “Двадцатое столетие: в поиске новых путей, 1953–1980”. Продолжая “Историю” Д. Мирского, “Кембриджская история” добавляет литературу 1925–1980 гг., однако общий объем трех “актуальных” глав – 260 из 590 страниц. Логика этих решений вызвала критику В. Казака: немецкий ученый недоумевает, почему Д. Фонвизин получил шесть страниц, а М. Булгаков и А. Ахматова – одну и почему в качестве границы литературы “рубежа веков” вместо 1917 г. выбран 1925 г. (ведь приход к власти В. Ленина так же тотально повлиял на культуру, как позднее приход к власти М. Горбачева) [42, с. 108–109], хотя, возможно, 1925 г. просто отсылал английского читателя к дате, на которой закончилось изложение Мирского.

Автор финальной главы “Двадцатое столетие: в поиске новых путей, 1953–1980” – британский историк Дж. Хоскинг. По его мнению, общественный климат брежневских лет определили эволюция протеста: от скандала с “Доктором Живаго” к отлаженной системе тамиздата и самиздата, – а также формирование (наряду с либеральным направлением “Нового мира” и сталинистским “Октября”) третьего направления, чисто националистического [66, с. 522–523]. Центральной фигурой рисуется А. Солженицын, обличительный реализм которого был более созвучен эпохе, чем творчество А. Ахматовой и Б. Пастернака [66, с. 522–523], и биография которого стала выражением открытой борьбы литературы с властью; роман “В круге первом” Дж. Хоскинг сопоставляет по художественным достоинствам с произведениями Т. Манна и А. Камю [66, с. 547], но зачин “Красного колеса” – при отдельных эффектных эпизодах – представляется менее увлекательным; “Архипелаг Гулаг” – образцовый синтез эмоционального и публицистического письма, единственный же соперник А. Солженицына в “лагерной” тематике – по форме и мировоззренческой позиции – В. Шаламов. К числу других достойных произведений Дж. Хоскинг относит “Пушкинский дом” А. Битова (тема советской культуры как предательства), “Ожог” В. Аксенова, “Верный Руслан” Г. Владимова, сатиру В. Войновича (который,

в отличие от Я. Гашека, строит повествование на образе лояльного гражданина), прозу “деревенщиков” (от ранних “Районных будней” В. Овечкина до В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина), В. Шукшина, В. Тендрякова, национальных писателей В. Быкова, Ч. Айтматова, Ф. Искандера, “Дом на набережной” Ю. Трифонова и “Зияющие высоты” А. Зиновьева (автора не всегда ровного – фрагментарность, монотонность) – шедевр раблезианского масштаба, неожиданно переносящий критику с власти на интеллигентский коллектив, сам порождающий тоталитарные отношения [66, с. 576]. В области поэзии Дж. Хоскинг отмечает бардов Б. Окуджаву, А. Галича (новая “человеческая комедия”, по выражению Е. Эткинда), В. Высоцкого (привлекательно-го образом сильного человека), резонансных Е. Евтушенко (не великого, но гражданского) и А. Вознесенского – несмотря на вторичность – мастера эффектных экспериментов, поэтов, сознательно отказавшихся от трибуны (А. Тарковский, Б. Слуцкий, Д. Самойлов, Е. Винокуров), Н. Коржавина, Б. Ахмадулину и великого И. Бродского, воплотившего идею поэзии как “единства мировой культуры” ([66, с. 594]; ср. оценку Р. Лауэра), на нем “История” и завершается.

Американский аналог “Кембриджской истории” – авторская “История русской литературы” [67] В. Терраса (в 1950-х эмигрировал из Эстонии, автор главы “Двадцатое столетие: эра социалистического реализма, 1925–1953” в книге Ч. Мозера). “История” В. Терраса содержит главы, с образцовой “цельностью” охватывающие материал русской литературы: “Русский фольклор”; “Древнерусская литература: от одиннадцатого века к тринадцатому веку”; “Древнерусская литература: от четырнадцатого до шестнадцатого века”; “Семнадцатый век”; “Восемнадцатый век”; “Романтический период”; “Век романа”; “Серебряный век”; “Советский период”.

В предисловии В. Террас сообщает о намерении показать историю литературы, как ее видит русский читатель, потому что различия между русской и западной литературой не принципиальны (важный тезис на фоне присущих зарубежным “историям” поисков цивилизационных моделей), выделяет же русскую литературу постоянной апелляцией к общественной функции. По этой причине американский славист полагается не столько на анализ приемов (в духе формальной школы), сколько

на здравую эклектику, следование хронологическому порядку (а не какой-либо концепции), предпочтительный выбор “высокой литературы” и писателей первого ряда ([67, с. VII–VIII]; впрочем, беспощадный В. Казак, отдав должное В. Террасу, “знатоку материала с собственным взглядом и мнением”, обвинил его как раз в произвольном подходе к истории, а книгу назвал устаревшей [42, с. 114]).

По убеждению В. Терраса, академическая традиция требует удерживать дистанцию за поколение до момента написания “истории” [67, с. IX], и он только в “Эпилоге” финальной главы дерзает приблизиться к актуальной литературе: “Большинство из упомянутых здесь авторов вполне активны, и слишком рано устанавливать значение их работы. Поэтому здесь обсуждаются только общие тенденции, а эстетическая ценность не устанавливается” [67, с. 607]. В. Террас указывает три формы бытования литературы брежневской эпохи: самиздат, магнитиздат (барды), тамиздат и третья волна эмиграции: А. Белинков, А. Кузнецов, И. Бродский, А. Синявский, В. Максимов, В. Некрасов, Н. Горбаневская, А. Гладилин, А. Зиновьев, В. Аксенов, В. Войнович (в порядке отъезда; из них только изгнание А. Солженицына стало мировой сенсацией [67, с. 608]); третья волна в дополнение к уже существовавшей прессе (“Грани”, “Новый журнал”, “Вестник РХСД”) создает собственную периодику (“Континент”, “Синтаксис”, издания “Ардис”). Эпоха М. Горбачева принесла возвращение запрещенной литературы и писателей-эмигрантов, но В. Террас полагает, что впереди предстоят новые духовные вызовы: “Некоторые писатели-эмигранты, такие как Соколов, Лимонов и Синявский, говорили, что для них жить и писать в эмиграции означает свободу от общественной значимости, в то время как литература была и ныне пребывает в настойчивом поиске этой значимости” [67, с. 610].

Отдельную группу в англо-саксонской традиции образуют “введения”-путеводители по русской литературе (см., напр.: [68]; [69]; [70]). Анализ этих компактных, но содержательных книг не включен в статью по соображениям ее объема. Поэтому приходится ограничиться демонстрацией того, как эти введения-путеводители иллюстрируют трансформацию литературного канона (см. о проблеме канона: [70, с. 2–3]): во “Введении” Р. Лорда (первое изд. 1972 г.) очерк поэзии увенчан А. Вознесенским,

который вызывает уважение литературной техникой, гуманностью и пафосом человеческого достоинства [68, с. 81–85], а “Кембриджское введение” (2008) К. Эмерсон — классификацией трех видов постмодернизма (телесность и метафора еды у В. Сорокина; напоминающее символистов двоемирие у более популярного В. Пелевина; игра с детективным жанром у популярнейшего Б. Акунина) и вообще толкованием постмодернизма (вопреки А. Солженицыну) не как конца культуры, а как нового способа диалога с традицией [70, с. 248–249].

Мне не удалось познакомиться с американской “Русской литературой” (2009) Э. Вахтеля и И. Виницкого, а завершить статью уместно оксфордской “Историей русской литературы” 2018 г. [10], написанной четырьмя славистами из Великобритании и США (Э. Кан, М. Липовецкий, И. Рейфман, С. Сандлер), которая, как и положено, предназначена ученым и одновременно студентам (см. подробнее: [71]). Авторы монографии, опираясь на А. Пыпина, придерживаются социологического метода, понимая это как внимание к институтам, в условиях которых функционирует литература, а также прослеживая эволюцию субъективности и нарративов, извлекаемых из текстов и одновременно формирующих национальную идентичность.

Оксфордская “История” разбита на пять частей: древнерусская литература (до XVI в.); литература XVII — первой трети XVIII в.; литература XVIII в.; литература XIX в. (почти равная по объему — 180 и 140 страниц — предыдущей, хотя эти периоды традиционно пользовались различным “уважением” специалистов); напротив, литература XX и XXI вв. нарушает принцип равенства, занимая 250 страниц. Последняя по порядку, она — центральная в концептуальном отношении, выявляя генеральную установку на континуитет русской литературы [10, с. 523]: “серебряный век”, СССР, постсоветская Россия рассматриваются единым блоком и в согласии с едиными параметрами, структурирующими изложение. Впрочем, глава, изучающая литературные институты XX и XXI вв., по сути, содержит исторический обзор, однако в других главах авторы действительно выдерживают верность своей логике.

Глава о выражении субъективности проводит линии преемственности от акмеистов “серебряного века” к позднейшим неоакмеистам и неоклассикам (И. Бродский, О. Чухонцев, Лев Лосев, Л. Аронзон, ленинградская

“филологическая школа”, С. Гандлевский, М. Айзенберг и др.); линию духовной поэзии образуют стихотворения “Доктора Живаго”, В. Меркурьева, П. Зальцман, Е. Шварц, О. Седакова; линия неоромантизма связывает символистов и С. Есенина с бардами 1960–1970-х.; линия поэзии языка нанизывает авангардистов: футуристов, имажинистов, обэриутов – и неоавангард: Ры Никонова и С. Сигей, Е. Мнацаканова, Г. Айги, В. Соснора, Хвост-Хвостенко, – а также “конкретную поэзию” лианозовцев, московский концептуализм, метареализм, М. Степанову и современных поэтов, продолжающих проект словесного эксперимента. Особый раздел объединяет поэтических “неудачников” (misfits), поэтов “вне групп”, как сказали бы в других “историях”: Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, И. Анненский, В. Набоков, А. Драгомощенко. Напротив, обзор прозы и драмы привычно укладывается в хронологические и жанровые ячейки: начало XX в. (драматургия А. Чехова, М. Горького и Л. Андреева, символистский роман); утопия и антиутопия (Е. Замятин, А. Чаянов, П. Краснов, А. Платонов, их продолжатели-фантасты А. Беляев и А. Грин); гротескный модернизм 1920–1930-х (Л. Добычин, С. Кржижановский, А. Платонов, М. Зощенко, Н. Эрдман, “Необычайные похождения Хулио Хуренито” И. Эренбурга, И. Ильф и Е. Петров, Г. Горин; кстати, стоило ли растворять в “гротескном модернизме” то, что привычно считается советской юмористикой и что можно было бы соотнести с отсутствующими “сатириконовцами” А. Аверченко и Сашей Черным); социалистический реализм (вслед за К. Кларк толкуется как синтез официальной идеологии, государственного заказа и определившегося консенсуса писателей с читателями [10, с. 675]); женская драматургия последней трети XX столетия (И. Грекова, Л. Петрушевская); проза и драма, адаптирующие к советскому опыту экзистенциализм (В. Шукшин, Ю. Трифонов, В. Маканин, С. Довлатов, А. Вампилов); модернистский андерграунд (А. Синявский и Ю. Даниэль, “Верный Руслан” Г. Владимирова, Ф. Горенштейн, В. Войнович, Ю. Мамлеев); постмодернизм на стадиях запретного андерграунда и постсоветского мейнстрима (соц-арт, оба Ерофеевых, В. Сорокин, Саша Соколов, В. Пелевин, фантастика С. Лукьяненко, гипернатурализм “новой драмы”); отдельно – как и поэтические “неудачники” – “промежуточная”

проза: В. Розанов, В. Шкловский, О. Мандельштам, Ю. Олеша, П. Утилин, Л. Гинзбург, Д. Галковский.

Нарративы в литературе XX–XXI вв. предсказуемо обусловлены национальными трагедиями: революция и гражданская война; “большой террор”-I (современники – “Реквием” А. Ахматовой, “Софья Петровна” Л. Чуковской, “Дракон” Е. Шварца, поэзия А. Барковой); нарратив Отечественной войны (завершается романами Г. Владимирова “Генерал и его армия” и В. Астафьева “Прокляты и убиты”), причем авторы отмечают его современную политизацию; “большой террор”-II, то есть позднейшие А. Солженицын, В. Гроссман, В. Шаламов, Ю. Домбровский, Ю. Трифонов, “Путь Бро” В. Сорокина, “Каменный мост” А. Терехова. Нарратив интеллигенции опять же изложен по периодам: “Доктор Живаго”, “Мастер и Маргарита”, мемуары И. Эренбурга и Н. Мандельштам, молодая поэзия и проза 1960-х, из актуальных – Л. Улицкая, “Кысь” Т. Толстой, “Андерграунд, или Герой нашего времени” В. Маканина, “ЖД” Д. Быкова, произведения нобелевского лауреата С. Алексиевич, белорусского писателя, пишущего по-русски.

Такого рода реформа периодизации и попытка конструирования единой литературы от начала XX до начала XXI в. принципиальны: констатируя, что в истории сопричастствуют непрерывность и прерывность, авторы – несмотря на политические катаклизмы и повторяющиеся призывы самих писателей сбросить традицию с парохода современности – настаивают на континуитете русской литературы [10, с. 9]. Эта декларация непрерывности русской литературы в оксфордской “Истории”, как и других “Историях”, понятна и привлекательна, однако поглощение литературы актуальной (после 1991 г. или после 2000 г.) литературой, относительно которой сложился академический консенсус, все-таки методологически рискованно (см. предостережения А. Стендер-Петерсена и В. Терраса).

Подводя итоги, авторы формулируют общий вывод: трагическая история России определила то важное обстоятельство, что в современной литературе модернизм отнюдь не вытеснил реализм (как в западных литературах), который оказывается незаменим в противостоянии официальной лжи [10, с. 767]. Этот вывод аранжируется прямо с журналистской энергетикой: Россия – по-прежнему “литературоцентрична”,

то есть литература — при всем скептицизме многих аналитиков — сохранила общественную востребованность и высокое назначение, чему свидетельство не только резонансное участие писателей в политике, но и гордая презентация литературного канона на Олимпийских играх 2014 г.

Итак, за последние полвека на немецком, французском, итальянском, английском языках было написано, издано или переиздано около двадцати полных “Историй русской литературы” (коллективных и авторских) или работ, к ним близких по целеполаганию (справочники, “русская литература в интерпретации отдельных текстов”, “введения в русскую литературу”). Эти “Истории” различаются по методологии, степени пространности и концептуальности, но в любом случае добросовестны. Их анализ демонстрирует, что прогнозы западных ученых о кризисе “Истории национальной литературы” как жанра (отрицание категории “национальная история”, “изменение медийного ландшафта”) не оправдались (по крайней мере, пока), а вот коррекция в зарубежных “Историях” оценки конкретных писателей, пути осмысления в них русской литературы XX–XXI вв. (особенно двух последних десятилетий) и теоретическая постановка проблем композиции, периодизации и литературного канона весьма актуальны. Здесь креативный диалог отечественных и западных “Историй” более чем необходим.

Закончить статью должно и приятно выражением благодарности коллегам, представляющим замечательную корпорацию славистов, которые любезно помогали советами и даже оказывали техническое содействие в получении необходимых материалов: М. Вайсман (Великобритания), С. Гардзонио, Э. Гаретто, М. Заламбани (Италия), Ф. Полякову (Австрия), Х. Шталь (Германия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой. Т. 1–2. СПб.: тип. Гл. упр. воен.-учеб. завед., 1863–1875.
2. *Галахов А.Д.* Записки человека / Вст. ст., сост., подг. текста, комментарии В.М. Боковой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с.
3. *Максимович М.А.* История древней русской словесности. Киев: Унив. тип., 1839. Кн. 1. 227 с.
4. *Данилов В.В.* М.А. Максимович в работе над “Словом о полку Игореве” // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 283–293.
5. *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней // *Шевырев С.П.* Об отечественной словесности / Сост. В.М. Маркович. М.: Высшая школа, 2004. Серия “Классика литературной науки”. С. 204–224.
6. *Одесский М.П.* Публицистичность научного текста: Из истории отечественной медиэвистики // Вестник РГГУ. 2013. № 12 (113). Сер. “Журналистика. Литературная критика”. С. 111–125.
7. *Галахов А.* Полная русская хрестоматия: В 3 ч. М.: Унив. тип., 1857. 7-е изд.
8. *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 1: Древняя письменность. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 482 с.; *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 2: Древняя письменность. Времена Московского царства. Канун преобразования. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 563 с.; *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 3: Судьбы народной поэзии. Эпоха преобразований Петра Великого. Установление новой литературы. Ломоносов. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 534 с.; *Пыпин А.Н.* История русской литературы. Т. 4: Времена Императрицы Екатерины II. Деятельный век. Пушкин и Гоголь. Утверждение национального значения литературы. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 646 с.
9. *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
10. *Kahn A., Lipovetsky M., Reifman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford: Oxford University Press, 2018. 939 p.
11. История русской литературы: В 10 т. (13 книгах) / Под ред. П.М. Лебедева-Полянского, А.С. Орлова и др. М.; Л.: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский том), 1941–1956.
12. История русской литературы / Ред. Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. 816 с.; История русской литературы / Ред. Е.Н. Купреянова. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму. Л.: Наука, 1981. 656 с.; История русской литературы / Ред. Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков. Т. 3: Расцвет реализма. Л.: Наука, 1982. 880 с.; История русской литературы / Ред. К.Д. Муратова. Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881–1917). Л.: Наука, 1983. 784 с.

13. *Багно В.Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982. 152 с.
14. *Багно В.* Представление о национальном своеобразии русской литературы в "Истории русской литературы" // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 1–12.
15. *Brückner A.* Geschichte der russischen Literatur. Leipzig: C.F. Amelangs Verlag, 1905. 508 s.
16. *Святополк-Мирский Д.П.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., м-лы к библиографии О.А. Коростылева, М.В. Ефимова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 616 с.
17. *Baring M.* Outline of Russian Literature. London: Williams and Norgate, 1914/1915. 256 p.
18. *Kropotkin <Prince>.* Ideals and Realities in Russian Literature. New York: Alfred Knopf, 1915. 341 p.
19. *Waliszewski K.* Littérature Russe. Paris: Armand Golin, 1900. 447 p.
20. *Nicholson M.* Maurice Baring, D.S. Mirsky, and the Anglo-American History of Russian Literature // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 221–246.
21. *Luther A.* Geschichte der russischen Literatur. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1924. 500 s.
22. *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa. Firenze: Sansoni, 2000. 976 p.
23. *Lo Gatto E.* Storia della letteratura russa. Firenze: Sansoni, 1942. 559 p.
24. *Плюханова М.* "История русской литературной цивилизации" Р. Пиккио и М. Колуччи и конец XX века // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 136–156.
25. *Mirsky D.S.* Contemporary Russian Literature: 1881–1925. London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1926. 327 p.
26. *Mirsky D.S.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881–1925). London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1927. 388 p.
27. *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зернова. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 882 p.
28. *Nabokov V.* Selected Letters. 1940–1977 / Ed. Dm. Nabokov, M.J. Bruccoli. London: Harvest Books, 1990. 624 p.
29. *Лю Вэньфей.* Д.С. Мирский и его "История русской литературы" // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 247–273.
30. *Lettenbauer W.* Russische Literaturgeschichte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 315 s.
31. *Lord R.* Russian Literature: An Introduction. London; New York: Kahn and Averill; Tübingen Publishing Company, 1985. 213 p.
32. *Lauer R.* Eröffnung des deutsch-sowjetischen Symposium "Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung" // Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten Deutsch-Sowjetischen Literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22. 28.6.81 / Hrsg. von R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988. S. 1–4.
33. *Lauer R.* Multiliteraturarität als Problem der Literaturgeschichte // Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten Deutsch-Sowjetischen Literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22–28.6.81 / Hrsg. von R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988. S. 73–86.
34. *Lauer R.* Geschichte der Russischen Literatur: Von 1700 bis zur Gegenwart. München: C.H. Beck, 2009. 1063 s.
35. *Полонский В.* Проблемы построения академической истории русской литературы конца XIX – первой половины XX века // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 13–36.
36. *Нива Ж.* Краткий абрис русистики во Франции // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 130–135.
37. *Плюханова М.* "История русской литературной цивилизации" Р. Пиккио и М. Колуччи и конец XX века // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 136–156.
38. *Менцель Б.* Историография русской литературы в немецкоязычных странах // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 157–179.
39. *Куеро Хервилья Э.Ф., Арсентьева Н.* Итоги и перспективы обзоров русской литературы в Испании // Национальные истории русской литературы / Под ред. Лю Вэньфея / Пекинская славистика. 2016. № 1. С. 180–210.
40. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. М.: Культура, 1996. 492 с.
41. *Hauptwerke der russischen Literatur: Einzeldarstellungen und Interpretationen* / Hrsg. von W. Kasack. München: Kindler, 1997. 765 s.

42. *Kasack W.* Russische Literaturgeschichten und Lexika der russischen Literatur: Die Handbücher des 20. Jahrhunderts: Überblick – Einführung – Wegführer. Konstanz: UVK Univ.-Verl. Konstanz, 1997. 278 s.
43. *Eliasberg A.* Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts. Berlin: Greifenverlag, 2009. 224 s.
44. *Setschkareff Vs.* Geschichte der russischen Literatur. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1962. 207 s.
45. *Stender-Petersen A.* Geschichte der russischen Literatur. München: C.H. Beck, 1978. 980 s.
46. Russische Literaturgeschichte / Hrsg. von K. Städtke. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzner, 2011. 446 s.
47. *Lauer R.* Kleine Geschichte der russischen Literatur. München: C.H. Beck, 2005. 284 s.
48. Die russische Novelle / Hrsg. von B. Zelinsky. Düsseldorf: Schwann Bagel, 1982. 333 s.
49. Die russische Lyrik / Hrsg. von B. Zelinsky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2002. 491 s.
50. Der russische Roman / Hrsg. von B. Zelinsky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. 561 s.
51. Das russische Drama / Hrsg. von B. Zelinsky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012. 542 s.
52. *Вагеманс Э.* Русская литература от Петра Великого до наших дней / Пер. с нидерланд. М.: РГГУ, 2002. 554 с.
53. *Орлицкий Ю.Б.* <Рец. на: Вагеманс Э. Русская литература от Петра Великого до наших дней.> // Литература. 2002. № 38. С. 3.
54. Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle: L'Age d'argent / Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1987. 784 p.
55. Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle: La Révolution et les années vingt / Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1988. 1003 p.
56. Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle: Gels et Dégels / Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1990. 1091 p.
57. Histoire de la littérature russe. Des origines aux Lumières / Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1992. 896 p.
58. Histoire de la littérature russe. Le XIXe siècle: L'Époque de Pouchkine et Gogol / Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1996. 1289 p.
59. Histoire de la littérature russe. Le XIXe siècle: Le temps du roman / Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 2005. 1553 p.
60. История русской литературы: XX век: Серебряный век / Ред. Ж. Нива, И. Серман, В. Страда, Е. Эткин; пер. с франц. М.: Прогресс-Литера, 1995. 704 с.
61. Storia della civiltà letteraria russa / A cura di M. Colucci e R. Picchio. Torino: UTET, 1997. V. I: Dalle origini alla fine dell'Ottocento. 789 p.; V. II: Il Novecento. 897 p.; V. III: Dizionario. Cronologia. 405 p.
62. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Пер. с итал. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
63. *Carpi G.* Storia della letteratura russa: Da Petro il Grande alla rivoluzione d'Ottobre. Roma: Carocci editore, 2010. 738 p.
64. *Carpi G.* Storia della letteratura russa: II. Dalla rivoluzione d'Ottobre a oggi. Roma: Carocci editore, 2016. 354 p.
65. *Presa Gonzáles F.* (coord.) Historia de las literaturas eslavas. Madrid: Cátedra, 1997. 1513 p.
66. The Cambridge History of Russian Literature / Ed. by Ch. A. Moser. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1989. 686 p.
67. *Terras V.* A History of Russian Literature. New Haven; London: Yale University Press, 1991. 654 p.
68. *Lord R.* Russian Literature: An Introduction. London; New York: Kahn and Averill; Tuplinger Publishing Company, 1985. 213 p.
69. The Routledge Companion to Russian Literature / Ed. by N. Cornwell. London; New York: Routledge, 2001. 271 p.
70. *Emerson C.* The Cambridge Introduction to Russian Literature. Cambridge; New York; Melbourne; Delhi: Cambridge University Press, 2008. 292 p.
71. *Одесский М.П.* Что делает русская литература, или К вопросу о ее периодизации <Рец. на: Kahn A., Lipovetsky M., Reifman I., Sandler S. A History of Russian Literature.> // Новое литературное обозрение. 2019. № 157 (3). С.343–350.

REFERENCES

1. Galahov, A.D. *Istoriya russkoj slovesnosti, drevnej i novoj* [History of Russian Literature, Ancient and New in 2 Volumes]. Vol. 1–2. Saint-Petersburg, General Directorate of Military Educational Institutions, 1863–1875. (In Russ.)
2. Galahov, A.D. *Zapiski cheloveka. Vst. st., podg. teksta, kommentarii V.M. Bokovoj* [Memoirs of a Man. Introduction, Publication and Notes by V. Bokova]. Moscow, New Literary Review, 1999. 448 p. (In Russ.)
3. Maksimovich, M.A. *Istoriya drevnej russkoj slovesnosti* [History of Ancient Russian Literature]. Kiev, University Printing House, 1839. Book 1. 227 p. (In Russ.)
4. Danilov, V.V. *M.A. Maksimovich v rabote nad "Slovom o polku Igoreve"* [M.A. Maksimovich

- studies "The Song of Igor's Campaign"]. *Slovo o polku Igoreve. Sb. issledovanij i statej* [The Song of Igor's Campaign. Collection of Articles]. Moscow, Leningrad, Publishing House of The Academy of Sciences, 1950, pp. 283–293. (In Russ.)
5. Shevyrev, S.P. *Istoriya russkoj slovesnosti, preimushchestvenno drevnej* [History of Ancient Russian Literature]. Shevyrev, S.P. *Ob otechestvennoj slovesnosti* [About Russian Literature]. Moscow, Higher School Publ., 2004, pp. 204–224. (In Russ.)
 6. Odesskiy, M.P. *Publitsistichnost nauchnogo teksta: iz istorii otechestvennoj medievistiki* [Publicism in a Scientific Text. On the History of Russian Medieval Studies]. *Vestnik RGGU [RSUH Bulletin]*. 2013, No. 113, pp. 111–125. (In Russ.)
 7. Galahov, A.D. *Polnaya russkaya khrestomatiya: v 3 ch.* [Complete Russian Anthology in 3 Volumes]. Moscow, University Printing House, 1857. (In Russ.)
 8. Pypin, A.N. *Istoriya russkoj literatury. V 4 t.* [History of Russian Literature in 4 Volumes]. St. Petersburg, M. Stasulevich's Printing House, 1898–1899. (In Russ.)
 9. Mirsky, D.S. *Istoriya russkoj literatury s drevnejshikh vremen po 1925 god* [A History of Russian Literature from Ancient Times till 1925]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 608 p. (In Russ.)
 10. Kahn, A., Lipovetsky, M., Reifman, I., Sandler, S. *A History of Russian Literature*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 939 p.
 11. *Istoriya russkoj literatury: v 10 t.* [A History of Russian Literature in 10 Volumes]. Moscow, Leningrad, IRLI Publ., 1941–1956. (In Russ.)
 12. *Istoriya russkoj literatury: v 4 t.* [A History of Russian Literature in 4 Volumes]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1980–1983. (In Russ.)
 13. Bagno, V.E. *Emilia Pardo Bazán i russkaya literatura v Ispanii* [Emilia Pardo Bazán and Russian Literature in Spain]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 152 p. (In Russ.)
 14. Bagno, V.E. *Predstavlenie o natsionalnom svoebrazzii russkoj literatury v "Istorii russkoj literatury"* [The Idea of the National Identity of Russian Literature in "A History of Russian Literature"]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 1–12. (In Russ.)
 15. Brückner, A. *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig: C.F. Amelangs Verlag, 1905. 508 s. (In German.)
 16. Mirsky, D.S. *O literature i iskusstve: stati i retsenzii 1922–1937. sost., komment. O.A. Korostyleva, M.V. Efimova* [About Literature and Art. Articles and Reviews. Introduction, Publication and Notes by O.A. Korostylev, M.V. Efimov]. Moscow, New Literary Review, 2014. 616 p. (In Russ.)
 17. Baring, M. *Outline of Russian Literature*. London: Williams and Norgate, 1914/1915. 256 p.
 18. Kropotkin <Prince>. *Ideals and Realities in Russian Literature*. New York: Alfred Knopf, 1915. 341 p.
 19. Waliszewski, K. *Littérature Russe*. Paris: Armand Golin, 1900. 447 p. (In French.)
 20. Nicholson, M. Maurice Baring, D.S. Mirsky, and the Anglo-American History of Russian Literature. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 221–246.
 21. Luther, A. *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1924. 500 s. (In German.)
 22. Lo Gatto, E. *Storia della letteratura russa*. Firenze: Sansoni, 2000. 976 p. (In Italian.)
 23. Lo Gatto, E. *Storia della letteratura russa*. Firenze: Sansoni, 1942. 559 p. (In Italian.)
 24. Pluchanova, M. *"Istoriya russkoj literaturnoj tsivilizatsii" R. Picchio i M. Colucci i konets XX veka* [M. Colucci and R. Picchio's "Storia della civiltà letteraria russa" and the End of the 20th century]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 136–156. (In Russ.)
 25. Mirsky, D.S. *Contemporary Russian Literature: 1881–1925*. London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1926. 327 p.
 26. Mirsky, D.S. *A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881–1925)*. London: George Routledge; New York: Alfred Knopf, 1927. 388 p.
 27. Mirsky, D.S. *Istoriya russkoj literatury s drevnejshikh vremen po 1925 god* [A History of Russian Literature from Ancient Times till 1925]. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 882 p. (In Russ.)
 28. Nabokov, V. *Selected Letters. 1940–1977*. Ed. Dm. Nabokov, M.J. Bruccoli. London: Harvest Books, 1990. 624 p.
 29. Liu Wenfei. *D.S. Mirskij i ego "Istoriya russkoj literatury"* [D.S. Mirsky and his "A History of Russian Literature"]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 247–273. (In Russ.)
 30. Lettenbauer, W. *Russische Literaturgeschichte*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. 315 s. (In German.)

31. Lord, R. *Russian Literature: An Introduction*. London; New York: Kahn and Averill; Tübingen Publishing Company, 1985. 213 p.
32. Lauer, R. Eröffnung des deutsch-sowjetischen Symposium “Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung”. *Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten Deutsch-Sowjetischen Literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22–28.6.81*. Hrsg. von R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1988. S. 1–4. (In German.)
33. Lauer, R. Multiliterarität als Problem der Literaturgeschichte. *Prinzipien der Literaturgeschichtsschreibung: Beiträge vom ersten Deutsch-Sowjetischen Literaturwissenschaftlichen Symposium in Göttingen vom 22–28.6.81*. Hrsg. von R. Lauer, H. Turk. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1988. S. 73–86. (In German.)
34. Lauer, R. *Geschichte der Russischen Literatur: Von 1700 bis zur Gegenwart*. München: C.H. Beck, 2009. 1063 s. (In German.)
35. Polonskiy, V.V. *Problemy postroeniya akademicheskoy istorii russkoj literatury kontsa XIX – pervoj poloviny XX veka* [Problems of Building the Academic History of Russian Literature in the Late 19th – First Half of the 20th Century]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 13–36. (In Russ.)
36. Nivat, G. *Kratkij abris rusistiki vo Frantsii* [Brief Outline of Russian Studies in France]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 130–135. (In Russ.)
37. Pluchanova, M. “*Istoriya russkoj literaturnoj tsivilizatsii*” R. Picchio i M. Colucci i konets XX veka [M. Colucci and R. Picchio’s “Storia della civiltà letteraria russa” and the End of the 20th century]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 136–156. (In Russ.)
38. Menzel, B. *Istoriografiya russkoj literatury v nemetskoyazychnykh stranakh* [Historiography of Russian Literature in German-speaking Countries]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 157–179. (In Russ.)
39. Quero Gervilla, E.F., Arsentieva, N. *Itogi i perspektivy obzorov russkoj literatury v Ispanii* [Results and Prospects of Reviews of Russian Literature in Spain]. *Natsionalnye istorii russkoj literatury. Pod red. Liu Wenfei* [The National Histories of Russian Literature. Ed. by Liu Wenfei]. Beijing Slavic Review. 2016, No. 1, pp. 180–210. (In Russ.)
40. Kasack, W. *Leksikon russkoj literatury XX veka* [Lexicon of Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Kultura, 1996. 492 p. (In Russ.)
41. *Hauptwerke der russischen Literatur: Einzeldarstellungen und Interpretationen*. Hrsg. von W. Kasack. München: Kindler, 1997. 765 s. (In German.)
42. Kasack, W. *Russische Literaturgeschichten und Lexika der russischen Literatur: Die Handbücher des 20. Jahrhunderts: Überblick – Einführung – Wegführer*. Konstanz: UVK Univ.-Verl. Konstanz, 1997. 278 s. (In German.)
43. Eliasberg, A. *Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts*. Berlin: Greifenverlag, 2009. 224 s. (In German.)
44. Setschkareff, Vs. *Geschichte der russischen Literatur*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1962. 207 s. (In German.)
45. Stender-Petersen, A. *Geschichte der russischen Literatur*. München: C.H. Beck, 1978. 980 s. (In German.)
46. *Russische Literaturgeschichte*. Hrsg. von K. Städtke. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzner, 2011. 446 s. (In German.)
47. Lauer, R. *Kleine Geschichte der russischen Literatur*. München: C.H. Beck, 2005. 284 s. (In German.)
48. *Die russische Novelle* / Hrsg. von B. Zelinsky. Düsseldorf: Schwann Bagel, 1982. 333 s. (In German.)
49. *Die russische Lyrik* / Hrsg. von B. Zelinsky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2002. 491 s. (In German.)
50. *Der russische Roman* / Hrsg. von B. Zelinsky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2007. 561 s. (In German.)
51. *Das russische Drama* / Hrsg. von B. Zelinsky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012. 542 s. (In German.)
52. Waagemans, E. *Russkaya literatura ot Petra Velikogo do nashikh dnei* [Russian Literature from Peter the Great to the Present Day]. Moscow, RGGU Publ., 2002. 554 p. (In Russ.)
53. Oritskiy, Ju. <Rets. na: Waagemans E. *Russkaya literatura ot Petra Velikogo do nashikh dnei*.> [Review on: Waagemans, E. *Russian Literature from Peter the Great to the Present Day*. (In Russ.)]. *Литература* [Literature]. 2002, No. 38, p. 3. (In Russ.)
54. *Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle: L’Age d’argent*. Dirigé par E. Etkind, G. Nivat,

- I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1987. 784 p. (In French.)
55. Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle: La Révolution et les années vingt. Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1988. 1003 p. (In French.)
56. Histoire de la littérature russe. Le XXe siècle: Gels et Dégels. Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1990. 1091 p. (In French.)
57. Histoire de la littérature russe. Des origines aux Lumières. Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1992. 896 p. (In French.)
58. Histoire de la littérature russe. Le XIXe siècle: L'Époque de Pouchkine et Gogol. Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 1996. 1289 p. (In French.)
59. Histoire de la littérature russe. Le XIXe siècle: Le temps du roman. Dirigé par E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. Paris: Fayard, 2005. 1553 p. (In French.)
60. *Istoriya russkoj literatury: XX vek: Serebryanyj vek. Red. G. Nivat, I. Serman, V. Strada, E. Etkind* [A History of Russian Literature. XXth century. Silver Age. Ed. by G. Nivat, I. Serman, V. Strada, E. Etkind]. Moscow, Progress-Litera Publ., 1995. 704 p. (In Russ.)
61. Storia della civiltà letteraria russa. A cura di M. Colucci e R. Picchio. Torino: UTET, 1997. V. I–III. (In Italian.)
62. Picchio, R. *Istoriya drevnerusskoj literatury* [History of Ancient Russian Literature]. Moscow, Krug, 2002. 352 p. (In Russ.)
63. Carpi, G. Storia della letteratura russa: Da Petro il Grande alla rivoluzione d'Ottobre. Roma: Carocci editore, 2010. 738 p. (In Italian.)
64. Carpi, G. Storia della letteratura russa: II. Dalla rivoluzione d'Ottobre a oggi. Roma: Carocci editore, 2016. 354 p. (In Italian.)
65. Presa Gonzáles, F. (coord.) *Historia de las literaturas eslavas*. Madrid: Cátedra, 1997. 1513 p. (In Spanish.)
66. The Cambridge History of Russian Literature. Ed. by Ch. A. Moser. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1989. 686 p.
67. Terras, V. A History of Russian Literature. New Haven; London: Yale University Press, 1991. 654 p.
68. Lord, R. Russian Literature: An Introduction. London; New York: Kahn and Averill; Tuppering Publishing Company, 1985. 213 p.
69. The Routledge Companion to Russian Literature. Ed. by N. Cornwell. London; New York: Routledge, 2001. 271 p.
70. Emerson, C. The Cambridge Introduction to Russian Literature. Cambridge; New York; Melbourne; Delhi: Cambridge University Press, 2008. 292 p.
71. Odesskiy, M.P. *Chto delaet russkaya literatura, ili k voprosu o ee periodizatsii* <Rets. na: Kahn A., Lipovetsky M., Reifman I., Sandler S. A History of Russian Literature> [What Does Russian Literature Do, or To the Question of Its Periodization. Review on: Kahn, A., Lipovetsky, M., Reifman, I., Sandler, S. A History of Russian Literature]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Russian Review]. 2019, No. 157 (3), pp. 343–350. (In Russ.).